
ВОЗМОЖНА ЛИ НРАВСТВЕННОСТЬ, НЕЗАВИСИМАЯ ОТ РЕЛИГИИ?

А.Б. Капышев, С.Ю. Колчигин

Институт философии Российской академии наук в 2010 году провел открытый конкурс сочинений (трактатов) на тему «Возможна ли нравственность, независимая от религии?». Конкурс был приурочен к 100-летию со дня кончины Льва Николаевича Толстого, который в свое время откликнулся на аналогичный вопрос трактатом «Религия и нравственность».

Участие в конкурсе приняли и казахстанские философы Акрамкан Капышев и Сергей Колчигин. Предлагаем вниманию читателей текст их конкурсного сочинения.

Главная мысль нашего сочинения: нравственность невозможна без религии, хотя ее редуцированная форма – мораль – вполне возможна без конфессионального облачения.

1. Уточним понятия

Есть мораль – и есть нравственность; есть договорная, производная этика – и этика безусловная, абсолютная.

О вполне реальных различиях внутри этических отношений хорошо знали многие мыслители прошлого. Достаточно вспомнить Иммануила Канта с его различием «моральности» и «легальности». В наше время эти различия выражаются в понятиях «мораль» и «нравственность».

Мораль носит социально-групповой характер. Нравственность – общечеловеческий, единый для всех людей.

Мораль предписывается индивиду извне. Нравственность растет изнутри.

Моралью можно пользоваться как средством. Нравственность – вне отношения использования.

Мораль оценивается социальным окружением. Нравственность – это всегда оценка совестью и самосознанием личности.

Можно добавить к этой классификации соображение обобщающего характера: мораль имеет дело главным образом с мыслительным аппаратом человека, в то время как нравственность коренится в духовно-чувственном мире личности. Иными словами, мораль относится к сфере внешней целесообразности, к рациональности, тогда как нравственность – к совершенно иной сфере, к внутреннему долженствованию, духовности.

Вопрос «почему я непременно должен быть добродетельным?», который задавал Подросток в одноименном романе Ф.М. Достоевского, вполне резонен. Ибо под идею нравственности действительно требуется подвести серьезное мировоззренческое основание. Одними лозунгами и призывами

добродетели не воспитать. А это мировоззренческое основание, по высшему счету, – в Боге. Потому что невозможно прочно обосновать абсолютное, общечеловеческое, мета-историческое на чем-то частном, конечном, преходящем. В противном случае, т.е. если Бога нет, то поистине «всё позволено».

И здесь мы вступаем в область проблематики религиоведческой.

*

Есть религия – и есть конфессиональные ее формы.

Религия – явление далеко не только социокультурное, она является одной из древнейших форм восприятия и осмысления человеком отношения «Человек-Мир». Поэтому правы те, кто подчеркивает: подмена исследования религиозного отношения к миру исследованием социально-исторического бытия различных конфессий вызывает невообразимую путаницу.

Действительно, одно дело – то или иное вероучение, тот или иной культ, та или иная психическая практика. И совсем другое дело – религия *per se*, совпадающая со своим понятием.

Если так, должно быть понятно то, что указали мы в самом начале настоящего сочинения: нравственность невозможна без религии (нравственность произошла от религиозного отношения к Миру), хотя мораль вполне возможна без того или иного конфессионального облачения.

В этом смысле религия, подлинная религия, в объективном плане есть вера в то, что мир, универсум, вселенная – не слепая стохастическая стихия, а проникнута управляющим разумом и духовным светом.

Рассмотренная же изнутри, религия есть искусство развития души. А так как душа и есть сущность человека, религия есть искусство развития человека (*Последний Завет. Книга обращений* 19:27-28).

2. Где же истоки нравственности?

Мы упомянули о душе. Причем в смысле ее разительного отличия от разума.

И мы утверждаем, далее, что именно душа есть то, в чем нравственность находит свое «месторазвитие».

Проблема онтологического основания нравственного начала человека представляется тем более актуальной, когда при исследовании прошлой и современной философской литературы в этом вопросе обнаруживаются резкие противоречия и тупиковые линии. Попытки найти основание человеческой нравственности, человечности, в подавляющем большинстве случаев нельзя считать успешными.

Так, если пытаться увидеть истоки этичности в самой природе, в естественноисторических процессах развития, то такая интерпретация противоречит как раз-таки над-природному характеру нравственности, «порядку полной свободы», с которым нравственность связана неразрывно.

Происхождение нравственности стараются также усмотреть в общественных отношениях и общественном договоре, – однако сами общественные отношения нуждаются в обосновании нравственной сущностью человека.

Многие мыслители в качестве генетического основания нравственности стремятся утвердить разум, – однако любовь, совесть, жертвенность не укладываются в рамки логики целесообразности.

Следовательно, остается единственное объяснение: начало нравственности трансцендентно. При этом, однако, желание приписать трансцендентному атрибут любви, как правило, вступает в конфликт с трактовкой высшего начала как абсолютного, всеединого, т.е. *индифферентного к нравственным категориям*.

Таким образом, генезис нравственности необходимо видеть в Боге, но с той существенной оговоркой, что само понимание Бога должно быть вполне определенным, конкретным. А именно – как особого, уникального начала в мироздании, отмеченного качеством не столько онтологической креативности, сколько духовной инспиративности.

*

Религиозность – первичное отношение к Миру. Это – благоговение перед жизнью, перед высшими началами, базисными источниками и основаниями жизни и служение им. Быть религиозным означает признавать Нечто и относиться к нему как святому и священному. Иными словами, религиозное отношение к реальности есть признание и благоговейное восприятие Того, что нас породило.

Будучи связанными с полным доверием, или священной верой, высшие человеческие чувства в своем ядре – чувства религиозные, сакральные. А следовательно, – и нравственные, поскольку предполагают онтологическую укорененность человека в мироздании, его гармонию со всей реальностью.

Итак, под религиозностью подразумевается глубинно-психологический, априорный феномен обращенности личности к онтологически фундаментальным и этически высоким началам бытия. В этом смысле религиозность означает *глубину человека, его духовность*.

Здесь надо подчеркнуть особо: «духовность» не есть полный синоним «нравственности». Понятие духовности есть *укоренение* понятия «нравственность», его *углубление и расширение* до понятия «генетического онтологического основания нравственности, до ее объективно существующего, реального над-природного источника.

*

«Дух» производят от «дыхания» как основы жизни, а духовность тем самым отождествляют с витальностью, жизненной силой, энтелехией, т.е.

с проявлением духа жизни. Но если духовность человека сводится только к духу жизни, то чем человек отличается от остального живого мира? Ничем. При таком понимании человеческая жизнь лишается всякого смысла, и тогда она всегда конечна.

Мало того. Нельзя забывать, что витальное начало – материально, что это – природная энергия. Духовное же, по определению, не есть материальное. Оно – феномен вне-природный, или над-природный, т.е. такой, который не дан человеку от природы.

Действительно, подлинный человек живет не только своей жизненной силой и уж вовсе не ради нее самой. Есть в нем и другой тип энергии, то благородство, которого нет в природе. Неотъемлемой, сущностной характеристикой жизни человека в ее точном смысле и значении является нечто большее, гораздо более высокое и тонкое, нежели природная жизненная сила. И это нечто находит свое выражение в понятии «человечность».

Иными словами, если говорить о «духе» по отношению к подлинно человеческому существу, т.е. существу, которое отвечает понятию и достоинству человека, то необходимо признать следующее.

Кроме силы жизни (которая в основном управляет физиологией), или энергии активного функционирования, в человеческом существе должно быть еще и нечто сверх этого и в дополнение к этому: сила, или энергия, способная приподнимать его над материальными условиями жизни, возвышать его над всей остальной Природой – но возвышать благими качествами. Причем даже в тех обстоятельствах, когда, казалось бы, человеку выгодней и удобней подчиниться общему ходу событий в мире материи; когда, как будто бы, для него самого было бы куда полезней, целесообразней двигаться по логике той необходимости, которая вынуждает его заботиться о своей пище, о самосохранении и размножении.

Но в том-то и дело, что этот дух подлинной человечности как раз и являет себя в качестве иного по сравнению с духом природы.

Дух подлинной человечности, та внутренняя сила, которая делает человека Человеком с большой буквы, есть не просто жизненная сила, или физическая способность, или природная гармония, или инстинкт, или еще что-либо подобное. Этот дух есть человеческое нравственное начало. Иначе это начало называют священным, божественным в человеке. Оно сопряжено с внутренними чувствами, такими как чувство священного, вера (доверие), любовь, благоговение перед жизнью себе подобных и не подобных, чувство вечности, чувство бессмертия души. Недаром в священных текстах выделяется представление не только о духе, но еще и о Духе благодатном, Святом.

Итак, в человеке есть нечто, не сводимое ни к жизненной энергии, ни к сознанию, ни к психической жизни вообще – нечто глубоко внутрен-

нее, сущностное и совершенно отличное от всего материального, сколь бы тонким оно ни было.

Именно этим сущностным, светлым и одухотворяющим, началом человек разительно отличается от всего остального в Мироздании. И именно им он бесконечно ценен для мира. Человек есть ценность прежде всего потому, что он уникален своими духовными качествами среди законов и явлений материальной Вселенной.

Отсюда очевидно, что назначение человека в мире – вносить в мир духовность, т.е. душевное тепло, любовь, заботливое отношение к Гармонии природного бытия.

Следовательно, далее, духовность должна быть практической, т.е. выливаться в творчество во имя людей.

По сути дела, духовность тождественна Любви как тяготению к Иному (а не к себе). Вот почему духовность есть способность никогда не воспринимать окружающее отрицательно, никогда ни одного человека не воспринимать негативно, никогда ни о ком ни при каких условиях не думать плохо (*Последний Завет. Предвозвещение* 183).

Причем это лишь минимальная, или «нормальная», мера духовности. А в своем высшем проявлении духовность – это способность бескорыстно и бесконечно отдавать тепло души и творческие дары окружающим.

3. Каков Бог, такова и этика

Но при всей высоте понятия духовности Бог в разных религиях очень разный. Мало того, зачастую в одной и той же религии он предстает во взаимоисключающих ликах: он и мстительный, и любящий, и завистливый, и всепрощающий, он личностный, и безличный. . . Отсюда возникла проблема теодицеи, нескончаемые споры, связанные с пресловутыми «парадоксами» божественной сущности, в которой приходилось признавать одновременное существование качеств добра, зла и трансцендентного равнодушия к этим определениям, всепрощения и мстительности, абсолютного единства и множественности ипостасей и т.д. Это смешение было следствием переноса двойственности, разорванности человеческого существа на божественную сущность.

Нравственность, однако, есть любовь. Значит, и Бог есть только Любовь.

И значит, надо отличать Его от Того, кто всё создал, от многоликого и всепроникающего Абсолюта, который, как говорил Чжуанцзы, содержится и в кале, и в моче.

Главная идея для современного правильного миропонимания – это то, что всё мироздание есть информация разного уровня плотности. Остальное – разворачивание и конкретизация ее.

Необходимо, следовательно, различать определенные этапы и формобразования Бога.

Идея Бога может обрести свое истинное значение, свою действительную доказательную мощь только в виде *конкретно-целостного теоретического понятия*. Иначе понятие Бога останется пустым звуком или голой абстракцией.

Первое, основополагающее понятие Бога подчеркнем в виде следующей дефиниции: Бог – это объединяющий принцип многообразия.

Однако этого мало. Подлинно целостное понятие Бога возможно не просто на пути формулирования некоторой обобщающей дефиниции и не на пути суммирования или синтезирования всех Его определений, а на пути рассмотрения именно *ступеней Его эволюции*.

Конкретные уровни и стороны последовательного эволюционного проявления Бога как Единого Принципа первоначально таковы: Великая Пустота (Бездна, Шуньята, Эйн Соф) → Единый в качестве Творца мироздания.

Далее надо подчеркнуть: в качестве Единого Принципа, Абсолюта, Бог, как это ни парадоксально, есть *также и природа*.

Парадокс этот разрешается достаточно просто.

Что такое природа, «сама природа» как творящая активная сила? Дерево? Трава? Муравей?.. Нет, она не есть ни то, ни другое, ни третье... Не дерево творит само себя, не трава созидает себя, не муравей наделяет себя инстинктами, – но именно Природа как Целое. Эта Система всех систем, как условно механических, так и самоорганизующихся, зачинает, созидает и детерминирует все сущее.

Итак, «природа» атеистов и ученых, поскольку они относятся к ней всерьез (мы имеем в виду – как к чему-то, что имеет внутреннюю логику, смысл, законы), – *тот же Бог*, только под другим названием. По крайней мере, в своем явленном чувственно-конкретном многообразии она *полна Богом* как свою сущностью, Бог имманентен природе. Выражаясь еще иначе, природа имеет свою полноту только при условии, что она понимается в качестве мыслящей и самодвижущей творящей субстанции. В противном случае она – не природа даже, а россыпь бессвязных проявлений, случайных организмов и т.п.

Наконец, в мироздании возникает последний фазис в развертывании сущности и проявлений высшего креативного источника – сверхтонкое духовное образование. Эта структура создает вокруг себя тончайшее пространство-поле – мир высший. По отношению к человеку, которого он одухотворяет, именно этот над-природный креативный источник необходимо подразумевать под евангельским наименованием «Отец Небесный». Именно Он превращает высокоорганизованных разумных существ на Земле в людей (человеков).

В мире природы мы не обнаружим духовности (любви, нравственного начала), ее там попросту не может быть: материальное бытие есть бесстрастная гармония, равнодушная к внутренним переживаниям человека. Для этой гармонии важно только соблюдение законов. Но для людей началом их человечности, нравственности выступает «Отец Небесный» – выс-

ший, или духовный, исток. Именно здесь – начало антропогенеза. В отличие от Абсолюта как Первого Творческого Начала, которое творит Вселенную с ее телами и разумами, Он есть духовно-генетический источник *человеческой сущности*, Второе Творческое Начало, Творец *наших душ*.

Человечность, или духовность, стало быть, есть в своем высшем проявлении синоним святости и божественности. Будучи вне нас, Бог одновременно, в виде своей частицы, присутствует в нас как наше собственное, притом самое глубокое начало, сотканное из духовной ткани.

*

Идея Бога сама по себе, как видим, не обеспечивает всецело идеи бессмертия души и даже просто существования последней. Только доведение идеи Бога-Абсолюта и Бога-Творца до идеи Отца Небесного позволяет говорить о существовании духовного образования в архитектонике человека – *души* как тончайшей и потому неуничтожимой субстанции высших чувств, а стало быть, также, – о ее бессмертии.

Если существует только Абсолют, то не существует личности, нет нравственности, всё позволено, всё безлично и безразлично, кроме борьбы разума за свой статус в мироздании: за продление жизни, освоение информационно-энергетических потоков и закономерностей.

Но существует еще и тончайший уровень универсума, и этот уровень – духовен. Поэтому у человека, помимо разума и в дополнение к нему, появляется душа, а с нею – совесть, благие качества и высочайшие проявления нравственности.

В этом отношении, т.е. именно в силу наличия духовной сущности, способной облагораживать холодное бытие Вселенной, человек обладает особой уникальностью среди других существ и тем самым особо ценен для мироздания.

4. Понятие души

Отрицание души – предрассудок мировоззрения материализма, притом материализма грубого, отмеченного денежно-техническим мышлением. Горестно видеть, что этому предрассудку, этой догме подвержена едва ли не вся современная научная психология, за отдельными счастливыми исключениями. Души для психологов не существует, во всяком случае, о ней почти ничего не упоминается даже у крупнейших специалистов в этой области. Этим доказывается, конечно же, не отсутствие души, а то, что вся так называемая позитивная наука не продвинулась дальше эмпирических наблюдений и глубже выводов обыденного сознания.

Задача систематического исследования и изложения учений о душе – слишком огромна. Достаточно сказать, что никто из мыслящих предста-

вителей человеческого рода не обошел этой проблемы в своих исканиях. Будем поэтому предельно лаконичны и содержательно конкретны в дальнейшем изложении вопроса о душе.

Представления о душе складывались в народном сознании через ее противоположность телу, через этимологию «духа» как «дыхания», «начала жизни» и т.п. Без дыхания нет жизни – вот почему душу, т.е. то главное, благодаря чему человек живет, приравнивали к дыханию.

А признанные и даровитые мыслители в истории говорили и писали о душе чрезвычайно различным образом: как о разуме, витальном начале, экзистенции, психическом средоточии, центре сознания... Характернейшая путаница в отношении сущности и архитектоники души была бы представлена в таблице состава человеческого существа, если объединить знания о душе, теле и духе у разных народов мира. Тогда окажется: здесь *структуры* (душа, тело, астральное тело) смешиваются с *процессами* (дух, жизненное дыхание-прана, жизнь, мышление), «*субстанциями*» (кровь), *способностями* (ум, разум) и состояниями (*чувство*).

Эти противоречия свидетельствуют не столько о многообразии проявлений души, сколько о коренном непонимании ее сущности.

Так, слишком часто *отождествляют душу и разум*, полагая, что душа – это образное название для разума и его высшее проявление.

Душа и разум, конечно, связаны тесно. Тем не менее, это проявления совершенно разных законов. Если законы, открываемые разумом, объективны, то они требуют соответствующей беспристрастности, а значит, бесстрастности, холодности. А законы развития души – законы нравственности, т.е. свободно и бескорыстно даруемой любви, положительного чувственного отношения ко всему сущему.

Разум сопряжен с познанием универсально-всеобщего. Душа – с чувством священного.

Сфера разума – наука и, в традиционном понимании, философия как высшая форма рациональности. Сфера души – религия, психология, искусство.

Разум выявляет полезное и целесообразное, а в своем творческом применении становится комбинаторной, инженерной деятельностью по пересозданию того, что предоставляется возможностями природы. Душа же открывает в мире прекрасное и привносит в природу доброе чувственное отношение. Она творит новые, дополнительные, теплые оттенки гармонии, обогащая природу душевным теплом, т.е. тем, чего в бытии природы нет и не может быть в принципе.

Уже из одних этих определений должно быть очевидно: в отличие от разума, призванного к работе с бесстрастными универсально-всеобщими закономерностями, душа есть внутреннее нравственное начало, составляющее сущность человека и его живую индивидуальность. При этом она настолько тонкая структура, что ее логично называть бестелесной вовсе,

качественно иной, нежели самые тонкие материальные проявления, т.е. началом духовным.

5. Второе начало человека

Если душа есть в человеке главное, то совершенно иной оказывается и картина происхождения человека, а вся система детерминации и координат в понимании антропогенеза (включая в него и человеческую будущность) переворачивается.

Антропологи оказались к сегодняшнему дню перед серьезной дилеммой. С одной стороны, факты науки показывают, что человек формировался чрезвычайно долго; с другой – факты той же науки говорят о том, что человек возник, по выражению одного из ученых, «как-то уж очень быстро».

Эволюция антропоидов шла миллионы лет. Медленно и постепенно менялась их плоть, развивался мозг, повышался уровень мышления, возрастало качество орудий труда. Однако где здесь подлинное начало человека? Ведь процесс этот происходил с такой «степенной» постепенностью, что в нем невозможно уловить переход от антропоида к человеку. Многие мыслители полагают, что он связан не столько с внешними переменами в облике и деятельности антропоида, сколько с переменной внутренней – появлением самосознания, резкой, внезапной «вспышкой рефлексии» (П. Тейяр де Шарден).

С этим можно было бы согласиться, если бы такой подход давал ясный ответ на вопросы, когда и почему произошел этот переворот и каковы все-таки его внешние показатели. Ни гоминид, ни антропоид, ни тем более обезьяна, хотя бы она миллиард раз ударила камнем о камень, не сумеет высечь в себе искру Божию, а значит, не станет человеком.

Но весь парадокс в том, что переход от дочеловеческой формы жизни к человеческой тем не менее как-то произошел!

Действительно, человек современного типа (кроманьонец) – качественно иное существо, нежели антропоиды и гоминиды. Причем, возник он поистине неожиданно. Примерно 40-50 тысяч лет назад вдруг возникает религия, появляются изумительные по своему совершенству произведения искусства, приручаются, становясь домашними, животные...

Значит, не в неразличимой дали эволюции, не в доистории, а именно здесь надо усматривать истинный исток человека? Да, разумеется. И дело даже не в том, что кроманьонец похож на нас внешне, а в том, что в нем со всей очевидностью выразила себя человеческая суть.

Разумная плоть существовала и развивалась уже у антропоидов. Рассудочные операции животных вырастают (например, у *Homo habilis*) в разумную деятельность, о чем свидетельствуют хотя бы орудия труда, изготовлявшиеся предчеловеком. Но это – палеогенезис и палеогнозис человека как существа пока еще только разумного. А вот у кроманьонца мы видим уже

не только деятельность по логике внешней целесообразности, но и развитие надутилитарных способностей. Это означает, что разумное существо стало человеком, а природный психизм дополнился духовностью. Или, как выражал подобную идею Н.А. Бердяев: человек – не только микрокосм, но и микротеос.

Попросту говоря, в человеке появилось то главное, что делает его человеком, – душа. Ее не следует путать с психикой. Душа возвышает человека над природными инстинктами, привязанными к плоти и ее психическим отправлениям. Как таковой, психизм состоит в реагировании стоном и криком на боль, ударом – на удар, обидой – на обиду, ненавистью – на ненависть. О том же твердит человеку его сознание, и даже если оно склоняется к мысли о необходимости «быть выше обстоятельств», оно не в силах само справиться с раздирающими человека аффектами. Лишь обладая духовным стержнем, душевной силой, человек в состоянии ответить улыбкой – на боль, незлобивым словом – на удар, спокойствием – на обиду, любовью – на ненависть.

Ибо отныне, с обретением души, в человеке господствует вера в Высшее, полное доверие ему, т.е. уверенность в том, что это Высшее не оставит его в беде, а, напротив, поможет жить достойно и счастливо. Это облагораживающее Высшее Начало и побудило человека к религиозности, пробудило в нем чувство прекрасного и подвигло к созданию произведений искусства. Тем самым было впервые манифестировано предназначение человека – изменять структуру окружающей материи, одухотворяя ее. Впоследствии, на Пути Истины у людей откроется бесконечный горизонт осмысленной и одухотворенной творческой жизни.

Итак, формируясь миллионы лет как разумное существо, человек стал Человеком внезапно, когда ощутил в себе «душу живую».

Вот где кроется решение проблемы антропогенеза. Человек, так сказать, рождается дважды: первый раз – как разумная плоть, а второй раз – как человек, духовно. Смутный намек на это как будто угадывается в первых главах Библии, где о сотворении человека говорится дважды и по-разному, и в тексте Корана (23:14), сообщающем о некоем «другом творении» человека.

Необъяснимый для антропологов феномен происхождения человека становится принципиально ясным. Причиной превращения антропоида в человека явились не оледенение и не потепление, не радиация, не генетические мутации, не солнечная активность и не предметная деятельность. Всё это факторы материальные, а между тем проблема как раз и состоит в том, каким образом материальное вдруг «превратилось» в человеке в духовное и было дополнено им.

Подобно тому, как черно-белый набросок под рукой живописца обретает красочные тона, плоть и разум человекообразного существа были расцвечены богатыми красками духовности. Это могло случиться отнюдь не само собой, отнюдь не в результате предшествующей эволюции жизни на нашей планете. Если природное в антропоиде дополнилось духовным,

значит, это духовное не зависело от сформировавшегося антропоида-предчеловека и было над-природным началом.

Следовательно, единственно возможным объяснением «второго рождения» человека должно быть признание того, что в тогдашнюю эпоху близ Земли возникло *объективно-духовное условие* преобразования разумного существа в Человека. В бытии, в мире Вселенной, проявилось Над-бытие (используя термин М.М. Бахтина). А с ним и человек обрел свое Второе Начало – начало подлинное.

6. Может ли нравственность быть светской?

Итак, без понятия души невозможно понятие нравственности. Потому что нравственность восходит к божественному (духовному) началу в человеке и, следовательно, есть абсолютное и общечеловеческое начало.

А если так, то *нравственность светского человека и человека верующего – принципиально одно и то же качество*. Другое дело, как тот и другой это качество трактуют и проявляют.

Чувство любви у священника и ученого – одно и то же чувство. Хотя понимают они его по-разному: один как Волю Высшую, другой – как волю свою. И проявлять его они могут по-разному: тоньше или грубее, проще или сложнее, шаблонно или оригинально...

Иначе говоря, должно быть понятно: светский человек и человек религиозный оба имеют в себе духовное начало. Ведь тот и другой – люди. А духовность есть глубинное определение самого существа человека. Следовательно, светский человек (неверующий) и религиозный человек (верующий) духовному началу как минимум *причастны*. Иной вопрос – различие в их рефлексии над этим духовным началом, разница в их мировоззрениях и мнениях относительно того, что такое духовность.

Но мнения мнениями, а, рассуждая объективно, необходима гармония религиозности и нравственности. И проявляется эта гармония в феномене духовности. Выражаясь иначе, нравственность коренится в Боге и религиозности, и именно поэтому она есть духовность.

И, возвращаясь к вопросу Подростка «для чего я должен быть нравственным», можно теперь сказать со всей определенностью: для того чтобы довериться идее нравственности и следовать ей неуклонно, необходимо, помимо прочего, знать истоки нравственности, ее сущность и ее перспективы. Ибо, если истоки нравственности – в социуме или природе, то она не абсолютна, она условна, ущербна. И тогда, поскольку нет Бога, всё позволено.

Итак, нравственность связана с онтологически высшим, духовным началом и, стало быть, с бессмертием человеческой души-индивидуальности.

И значит, не может быть «светской этики» как таковой. Светская этика – не более чем мораль («легальность», условная нравственность).

7. Выводы

Нравственность безусловна. Но в каждом из нас она часто выражена весьма недостаточно, а то и превратно. Следовательно, нравственное начало в человеке нуждается в развитии. И теперь необходимо правильное понимание закономерностей духовного развития для осознанного возвращения человечности.

А возможно ли подлинное нравственное совершенствование без тех или иных правил, заповедей? Ведь в них сконцентрирован тот или иной, пусть где-то больший, а где-то меньший, но опыт многих и многих поколений. И – заветы духовных учителей.

Но учителя эти – очень разные.

Поэтому, следуя заповеди евангельского Христа: «Не называйтесь учителями, ибо один у вас Учитель – Христос» (*Матфей 23:8*), надо, очевидно, сразу же признать, что подлинный Учитель человечества – не тот, кто может научить *чему-то*, пускай многому и интересному. Он – тот, кто учит действительной Истине во всей ее полноте и во всех необходимых подробностях. Он – тот, кто знает Человека и Мир до корней и, соответственно, способен вывести людей на единственно верный путь развития.

Больше того. Истина может быть только одна: иначе, какая же она Истина? Значит, и Учитель Истины может быть только один, дабы, приходя к людям в одном, зримом для всех Лице, пресекать разногласия по поводу единственной Истины. Множество же учителей, проповедующих множество «Истин» о Мире и Человеке, – ситуация нездоровая. Все они учат *принципиально разному* пониманию и поведению.

Определить, кто же из них прав, возможно прежде всего путем выяснения содержания и характера Учения, проповедуемого этой личностью. Если оно открывает нам глаза на нас самих, на наше предназначение в Мире и на самый Мир; если оно является действительно новым как в целом, так и во всех главных пунктах; если его отличают логическая строгость, цельность и стройность; если для него характерен максимально полный объяснительный эффект; если оно имеет жизнеутверждающий смысл; и если, наконец, оно конгениально всему лучшему из истории человеческой мысли и расставляет все прежние и современные учения по местам, – это Учение Истины, и носитель его сам есть Истина.

Стало быть, необходим переход именно к этой единственной и Единой Истине и, соответственно, к Единому миропониманию. А с ним – к Единому Пути и Единому Человечеству, поскольку мы у Бога – Единый народ.

Қапшышев А.Б., Колчигин С.Ю.

Діннен тәуелсіз адамгершілік болуы мүмкін бе?

Адамгершілік, тіпті оның редуцияланған формасы – мораль – конфессиясыз мүмкін болса да, дінсіз мүмкін емес.

Объективті түрде шынайы дін бұл әлем, универсум, шартарап – соқыр стохатикалық стихия емес, ол басқарылатын зерде және рухани нұрға толы екендігіне сенім. Ішкі жағынан қарағанда, дін жанның даму өнері болып табылады. Ал жан адамның мәні болғандықтан, дін адамның даму өнері болып табылады.

Толық сеніммен немесе қасиетті сеніммен байланысты болғандықтан, адамның жоғары сезімдері өзінің ядросында – діни, қасиетті сезімдер. Сонымен қатар, адамгершіліктік те сезімдер болып табылады, өйткені, адамның әлемдегі онтологиялық тамырлануын, барлық шындықпен үйлесімділігін білдіреді.

Kapyshev A.B., Kolchigin S.Yu.

How Can Moral Be Independent From Religion?

Moral is impossible from religion though its reduced type can be independent from confessional form.

True religion in objective plan is a belief in universe as reasonable and spiritual one but not some blind stochastic force. In its inner aspect religion is the art of soul development. The soul is the essence of man so religion is the art of human creature development.

Connected with the full belief or the sacred trust the highest human feelings in their core are religious or sacral feelings. Therefore they are moral feelings too because they mean ontological roots of a man in the universe, his harmony with reality as a whole.